

102
16 ИЮН. 382

НАШИ ЗЕМЛЯКИ *)

ПУТЬ АРТИСТА

«Когда ж постранствуешь, вернешься домой — и дым отечества нам сладок и приятен...»

(А. Грибоедов).

Родился я в семье чиновника-разночинца (кассира Пензенского отделения Государственного Банка) в доме бывш. сахарного завода. Старожилы-пензенцы помнят еще, наверное, то белое каменное здание, которое находилось тогда у железнодорожного моста небольшого поселка, называемого «Манчжурия».

В семье я был последним, пятым сыном. Все мы были очень музыкальны: отец пел под старинный инструмент — гусли, мать играла на рояли, старший брат был профессионалом-скрипачом, получившим образование в Московской Филармонии. Остальные братья играли на различных инструментах и пели. Наши трио и квартеты были хорошо известны пензенцам. Будучи гимназистом младших классов, я с трепетом слушал рассказы старшего брата о знаменитых уже в то время Шаляпине, Собинове, Неждановой... И в мрачной обстановке тогдашней классической гимназии я предавался мечтам о «святом искусстве». В мои

*) Редакция «Рабочей Пензы» обратилась к нашим знатым землякам, работающим во многих городах Советского Союза, с просьбой рассказать читателям нашей газеты о себе и своей работе.

Сегодня мы печатаем статью тов. А. А. Яхонтова.

Ан. ЯХОНТОВ,
артист-солист Государственного ордена Ленина Академического Большого театра Союза ССР.

гимназические годы в Пензе были: Зимний театр (быв. Вышеславцова) и летний драматический кружок. Посещение их, насколько это позволялось нашим гимназическим уставом, давало обильную пищу моему начинавшему развиваться артистическому чутью — того я только не видел и не слышал в тогдашней театральной Пензе! Помню частые гастроли П. Н. Орленева, братьев Рафаэла и Роберта Адельгейм, чудные составы летнего драматического кружка: Слонова, Жвирблис, Мунт, Шорштейна, Кумельского, Орлова-Чужбинина и др. А концерты в Пензе, особенно зимой, были прямо изумительны! В Пензе я слышал Гофмана, Кублика, Губермана, Касторского, Лабинского, Мозжукина. Искусство я любил до самозабвения — в этом была моя вторая жизнь. Помню, не без успеха я читал на гимназических вечерах-концертах произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя и участвовал в любительских спектаклях. Голос пока еще в старших классах гимназии, где я впервые и пробовал свои музыкальные способности.

Но вот Казанский университет, и я завертелся в студенческих кружках, землячествах, собраниях. Будучи на первом курсе юридического факультета, я

увлекался декламацией и как декламатор пользовался большой популярностью не только в Казани, но и в других городах. В этот же период я брал уроки сольного пения сначала у Л. Н. Трубликова, а потом у М. Ю. Янишевской-Еледкой, которых всегда вспоминаю с большой благодарностью, т. к. это они заложили во мне основы вокальной культуры.

Великая Октябрьская пролетарская революция застала меня в Казани — выпускником юридического факультета. Передо мной был путь юриста, адвоката, чиновника. Но революция круто изменила мою судьбу. Казанский университет стал местом стечения больших масс рабочих и крестьян. На митингах, которые я посещал, раздавались пламенные речи призыва к борьбе, к завоеванию новой, счастливой жизни. В моей душе происходил разлад. Кому нужны те знания, те многочисленные «права» — церковные, гражданские, уголовные, все эти науки, созданные для защиты интересов богатых и их собственности? — все чаще спрашивал я себя. Все чаще волновал меня революционный энтузиазм масс и желание служить новой родине, рождающейся в огне и буре. Тут мне и пришла на помощь моя вторая специальность — искусство. С помощью искусства можно идти в массы, можно поддерживать их революционный огонь. Язык искусства близок и понятен массам, т. к. источником подлинного искусства всегда был народ.

Вернувшись из Казани на свою родину, в Пензу, я стал принимать деятельное участие в организации студенческих кружков, землячествах, рабочих клубов и красноармейские казармы. В 1919 году я был пригла-

шен Ф. П. Вазерским в созданную им в г. Пензе первую советскую оперу. Одновременно я поступил и в Народную консерваторию, также организованную Ф. П. Вазерским, где я занимался с Н. С. Грачевым, А. Ф. Габленц, Д. Н. Неселовым, впоследствии эти занятия продолжались в Пензенском музтехникуме. Мне много приходилось выступать в клубах Красной Армии, в школах, давать свои большие концерты во Дворце труда, в педтехникуме, в Летнем театре. Пенза всегда была очень музыкальна, и слушатель ее особенно любовно относился к своим землякам-артистам. Много ездил я по так называемым уездам и видел, как

из года в года растет, становится неузнаваемым то, что прежде называлось провинцией. Буквально на глазах рассеивался туман бескультурия, строились школы, дома культуры, высшие учебные заведения. Искусство, наука, культура стали проникать в народную толщу. Мои постоянными спутниками в этих поездках были прекрасные музыканты — пианисты Георгий Крейтнер (ныне композитор) и Н. А. Витвер (педагог Пензенского музыкального училища).

Так продолжалась моя провинциальная артистическая деятельность в Пензе до 1922 г. Захотелось испробовать свои силы в красной столице, тогдашней и теперешней Мекке всех искусств — Москве. Ошеломила меня, провинциала, Москва и заставила еще серьезнее заняться тем, что я любил с детства. Удачные выступления на конкурсах открыли мне двери в студии московских театров. Поработав сначала у Немировича-Данченко, я перешел к Станиславскому, с театром которого в 1924 г. ездил на гастроли в Ленинград, где мы коллективно пережили колоссальную утрату всех трудящихся — смерть гениального Ленина.

Далее события моей артистической карьеры пошли почти с кинематографической быстротой — удачная проба в солисты Большого театра, предложение дебюта тогдашним директором И. М. Лапицким и затем 6 мая 1924 г. открытый дебют в партии Греммина в опере «Евгений Онегин». Не могу обойти молчанием обаятельную, светлой личности народного артиста — Леонида Витальевича Собинова, который, исполняя в моем дебютном спектакле партию Ленского, всячески подбадривал меня и успокаивал в те трудные минуты

напряжения и волнения, которые я переживал в своем первом ответственном выступлении на сцене Большого театра.

Трудно было работать на первых порах в Большом театре. Остатки реакционно настроенной администрации не давали ходу нам, молодым артистам. Не то, что теперь, когда видишь новые имена, новые таланты.

В Большом театре я работаю пятнадцатый год. За это время спел очень много самых разнообразных партий. Кроме почти всех старых классических опер, много ролей исполнено в советских операх: «Прорыв» — Потоцкого (Луговинов), «Сын солнца» — Василенко (Гамилтон), «Тупейный художник» — Шишова (Каменский младший), «Степан Разин» — Триволина (Васьяк Ус), «Поднятая целина» — Держинского (Фрол Дамасков), «Броненосец Потемкин» — Чижко (доктор Смирнов) и др.

С начала поступления в Большой театр я окупился в общественную жизнь театра. Тут сыграли роль мои юридические познания. Я много лет был секретарем делегатского института коллектива солистов оперы, в данный сезон тайным голосованием избран в члены цехкома.

В операх Большого театра и его филиала я занят очень много, т. к. принадлежу к советскому типу артиста-актера без амбула — сегодня поешь русскую классическую роль с большой кантиленой, завтра — игровую с почти драматическим характерным рецитативом. Особенным подъемом нашего артистического темперамента и желанием отдать всего себя любимому делу отличаются те спектакли, когда «сдаем премьеру» и

в ложе правительства видим таким гением все это, созданное и введенное на небывалую высоту.

На своем рабочем пути я много встречал первоклассных руководителей — и русских и иностранных. Все это, конечно, обогатило и развило меня как художника. Вышеупомянутый создатель и интерпретатор советской тематики художественный руководитель Большого театра Народный артист СССР С. А. Самосуд особенно близок мне как научудеснейший и проникновенный толкователь не только музыкальной фактуры роли, но и ее сценической сущности, социальной идеи, что едва ли не главное в образах.

Так день за днем течет работа в нашем красавце-театре, в который мы все влюблены. Мы гордимся этим чудным детищем внимательного и бережного отношения нашей великой партии и правительства искусству.

Но вот заканчивается сезон, приближается отдых, и тянет в Пензу. Мои почти ежегодные летние концерты в Пензенском Летнем театре стали как бы традицией, что свидетельствует о большом интересе и пензенцу-артисту. Все это окрыляет меня, и к желанию свидеться с любимой родной Пензой присоединяется чувство признательности и благодарности ко всем землякам, знающим меня.

Нынешним летом думаю своим приехать в Пензу и в своем творческом рапорте-концерте отчитаться в своих достижениях перед дорогой и близким мне пензенским слушателем.

Итак, до скорой встречи, дорогие сограждане-пензенцы!

г. Москва,
12 июня 1938 г.